Е.Б. Трофимова, М.С. Власов
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина, г. Бийск

ЭМОТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
(на материале русского и монгольского языков)
EMOTIONALITY IN THE PROCESS OF OCCASIONAL VERBALIZATION
(on the materials of Russian and Mongolian languages)

Ключевые слова: эмотивность, окказионализмы, вербализация эмотивной семантики невербальных сигналов, психолингвистический эксперимент

Keywords: emotionality, occasionalisms, verbalization of emotional semantics of nonverbal signals, psycholinguistic experiment

В настоящей работе представлен фрагмент исследования, посвященного проблеме первичной номинации эмоций носителями русского и монгольского языков, а также характера проявления эмотивности в узуальных единицах разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента.

Наше исследование связано с изучением «звукосимволического» иконизма, причем не в форме его закрепления в уже состоявшихся языковых единицах, а в процессе окказиональной вербализации, а также восприятия вербальных и невербальных единиц различной природы. Мы выдвинули гипотезу, согласно которой первичный механизм языкотворчества, возникший в глубокой древности, полностью не утрачен, а сохраняется на уровне подсознания в генетической памяти (Трофимова, 2011). О феномене языковой памяти пишет Н.В. Иванов: «Категория памяти связывает нас, прежде всего, с материей языка, с языковым знаком, который можно назвать носителем языковой памяти» (Иванов, 2008: 27). Неразвитый мозг в состоянии сопоставить лишь то, что обладает подобием, следовательно, исходная представленность в знаке иконизма несомненна. В то же время сам процесс номинирования вообще обеспечивается присутствием эмоций. Трудно не согласиться с мнением В.И. Шаховского в том, что в основе первичных и вторичных номинаций всегда, с самого начала лежали эмоции человека, что ни одного слова не родилось без эмоций человека – этого самого решающего психологического фактора биологического и социологизированного индивида (Шаховский, 2008).

Отражение в языке эмотивности, проявляющейся в иконической форме языкового знака так же, как и при исследовании порождения и восприятия других стимулов, может быть обнаружено в условиях психолингвистического эксперимента, а следовательно, скорее всего, данное явление присутствует и в естественном коммуникативном процессе, скрыто

проявляясь в предпочтении тех или иных языковых единиц. «Кажется совершенно очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о нем можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о нем никакого представления» (Гумбольдт, 1984: 92).

Программу наших экспериментальных исследований, направленных на выявление межъязыковых особенностей проявления иконизма в эмотивных единицах и позволяющих, как нам представляется, приблизиться к пониманию универсальных свойств данного феномена, можно представить следующим образом.

1. Отражение эмоций в их наименованиях. Общая цель экспериментов - установить, насколько в самих номинациях эмоций отражаются представления рядовых носителей русского языка о характере проявления эмотивности. В качестве экспериментального материала был определен следующий перечень номинаций эмоций: *радость, умиление, любопытство, нежность, ликование, удовольствие, скорбь, грусть, восторг, восхищение, тоска, горе, удивление, неудовольствие, изумление, отчаяние, печаль, огорчение, неприязнь, злость, ярость, испуг, гнев, досада, страх, тревога, ненависть, ужас, омерзение, возмущение, негодование, презрение, отвращение* (Матвеев, 1989).

В процессе исследования было проведено три эксперимента: по толкованию эмоций, соотнесенности словарных толкований с номинацией, категоризации эмоций. Первые два эксперимента условно можно определить как «прямой» и «обратный». Задача «прямого» эксперимента состояла в выяснении того, способен ли носитель языка описать значение эмоций, отраженных в языковой номинации. «Обратный» эксперимент был направлен на выявление степени соотнесенности словарного определения эмотивных номинаций с представлениями носителей языка о данном феномене. Задача третьего эксперимента заключалась в определении способностей носителей языка группировать эмоции в зависимости от степени их связанности. Во всех экспериментах приняли участие по 50 носителей русского языка (преимущественно студенты гуманитарных отделений).

2. Экспериментальное исследование восприятия междометий русского и монгольского языков разноязычными носителями. Русскоязычным информантам были предложены 32 первичных междометия (наиболее яркие с точки зрения фоносемантики по данным программы «Ваал-мини»), которые рассматривались ими в соотношении с семью факторами (шкалы были заимствованы из программы «Ваал-мини»): *хороший – плохой, красивый – отталкивающий, добрый – злой, светлый – темный, грубый – нежный, яркий – тусклый, радостный – печальный*. Реципиенты должны были выбрать, какое впечатление вызывают у них звуковые сочетания в конкретных междометиях: чего-то хорошего или напротив чего-то плохого, красивого или отталкивающего и т. д. (отмечалось «+» или «-») или совсем не вызывают подобных ассоциаций (в данном случае ставился 0). Далее был проведен эксперимент с носителями монгольского

языка. Предварительно на данном этапе с целью определения ассоциативной базы носителей монгольского языка на соотношение «звукобуква (стимул) – эмоция (реакция)» были проведены психолингвистические эксперименты по оценке фонетического значения гласных и согласных звукобукв по методике А.П. Журавлева. В качестве материала для основного эксперимента использовалось 56 первичных монгольских междометий. Пятидесяти реципиентам предлагалось оценить их по тем же шкалам, что и русскоязычным носителям. По результатам эксперимента с некоторой осторожностью можно констатировать, что на эмоциональную оценку междометий влияет их звукобуквенный состав. К сожалению, в данном случае невозможно полностью устранить воздействие значения. Чтобы избежать или, по крайней мере, снизить влияние значения междометий на их оценку реципиентами, на том же материале был проведен дополнительный эксперимент с русскоязычными носителями, не владеющими монгольским языком. Испытуемые, имея перед собой анкеты с монгольскими междометиями, должны были прослушать их в аудиозаписи и после этого оценить по трем признаковым шкалам по методу семантического дифференциала.

3. Окказиональная вербализация эмоций при восприятии фото-стимулов носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента. Эксперимент на материале фото-стимулов с изображением лиц, выражающих определенные эмоции, проводился в два этапа, на первом предлагалось определить эмоцию, которую испытывает человек на фотографии, на втором – ее вербализовать (в форме псевдослова). Эксперимент с носителями монгольского языка проводился по той же схеме, что и с носителями русского, на родном языке испытуемых. Кроме этого был проведен верифицирующий эксперимент, в котором количество стимулов было сокращено до двух, контрастных по какому-либо значимому для эмоций признаку: «радость» - «печаль», «радость» - «удивление, изумление», «грусть, печаль» - «страх». Предполагалось, что при актуализации противопоставления эмотивная составляющая отразится в псевдословах более рельефно. Стимулы попарно предъявлялись в группах информантов количеством до десяти человек. Инструкция и фото-стимулы оставались прежними. На данном этапе проводились также обратные эксперименты, направленные на соотнесение окказиональных образований, порожденных на первом этапе, с эмоциями и фото-стимулами.

4. Окказиональная вербализация эмоций при восприятии видео-стимулов носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента. Целью экспериментов на материале фрагментов кинофильмов, выражающих эмоциональное состояние человека, являлось выявление особенностей восприятия и вербализации динамических стимулов с попыткой установить возможную связь между звуками, используемыми в псевдословах, и теми эмоциями, которые они обозначают. Материалом для экспериментов послужили отрывки из российских

художественных фильмов «12», «Любовь – морковь», «Ночные забавы» и монгольских комедий «Сэргээш -1», «Сэргээш -2». Выбор именно этого материала обусловлен ярко выраженным эмоциональным состоянием героев, причем отбор материала производился с учетом набора базовых эмоций. За основу была взята классификация эмоций П. Экмана, включающая в себя *гнев, отвращение, удивление, страх, радость, печаль*.

5. Окказиональная вербализация эмоций при восприятии музыкальных фраз носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента. На данном этапе были проведены прямые эксперименты по вербализации эмотивных составляющих неноминированных музыкальных фраз носителями русского и монгольского языков. Оценка звукочастотного состава полученных псевдослов проводилась в сравнении с корпусом первообразных междометий, звукоподражаний (Квеселевич, 2001), (Шляхова, 2006) и существительных – наименований эмоций (Ильин, 2001), (Матвеев, 1989) с целью определения стратегий продуцентов и информационного шума (Власов, 2011). Проведены также обратные эксперименты на опознание эмотивной семантики полученных вербальных реакций. Русскоязычный материал верифицирован с помощью программы «Ваал-мини».

6. Вербализация англо-американских невербальных компонентов русскоязычными и алтайскоязычными носителями. На данном этапе был проведен эксперимент, позволяющий предположить, как жесты одной лингвокультуры воспринимаются и вербализуются носителями другой лингвокультуры. Работа проходила в два этапа. На первом этапе проводился психолингвистический эксперимент, целью которого являлось исследование восприятия жестов, порождения псевдослов, их обозначающих, и опознания эмоции, с которой ассоциируется тот или иной жест. На втором этапе проводилась фоносемантическая обработка полученного материала с использованием программы «Ваал-мини». В качестве стимулов использовались 7 англо-американских жестов и 5 русских жестов: *1) жест, обозначающий победу и цифру «2», 2) жест со значением «На удачу», 3) жест со значением «Я тебя люблю», 4) жест со значением «Кто-то лжет», 5) жест, обозначающий кавычки, 6) жест со значением «Вышестоящий по должности не доволен работой подчиненного», 7) жест, обозначающий грубое пресечение разговора, цифру «2», просьбу закурить и предложение выпить спиртного втроем, 8) жест со значением «Дурак», «Сойти с ума», 9) жест со значением «Все хорошо», 10) жест «Фига», «Кукиш», 11) жест, обозначающий предложение выпить или указывающий на состояние алкогольного опьянения, 12) жест, обозначающий насыщение чем-либо (со значением «Надоел», «Сыт по горло»)*.

7. Восприятие иноязычных пар антонимов, содержащих оценочную составляющую, носителями разносистемных языков. На последнем этапе был проведен психолингвистический эксперимент, целью которого являлось определение «уровня иконичности» слов разносистемных языков. Материалом для исследования послужили китайские и русские пары

антонимов, записанные в звуковом формате: *умный – глупый; веселый – грустный; больной – здоровый; жадный – щедрый; добрый – злой; живой – мертвый; грязный – чистый; старый – молодой; ленивый – трудолюбивый; светлый – темный; тяжелый – легкий; простой – сложный; громкий – тихий; сильный – слабый; грубый – нежный.* Носителям русского языка, не владеющих китайским языком, было предложено прослушать аудиозаписи и определить в каждой паре антонимов китайского языка русские лексико-семантические соответствия.

Подробное описание методики и результатов всех экспериментов представлено в нашей коллективной монографии (Трофимова, 2011). Остановимся на общетеоретических положениях и выводах проведенной работы.

Поскольку наше исследование осуществлялось с позиций лингвистов, а не психологов, то, в первую очередь, было решено разобраться, какая информация для носителей языка содержится в самих наименованиях эмоций. Совершенно сознательно мы не включились в дискуссию о «благонадежности» той или иной классификации, так как это задача психологической науки, а использовали набор наименований, который указан в соответствующих словарях и справочных изданиях. Одним из спорных вопросов, связанных с номинированием эмоций, является степень их собственной эмотивности. В свое время О.С. Ахманова ввела для слов стилистически нейтральных, но обозначающих «неприятные вещи», термин «естественная экспрессия». Полагаем, что по отношению к именам эмоций можно говорить о «естественной эмотивности». Что же касается классификационной деятельности носителей языка, чему и были посвящены эксперименты, связанные с восприятием номинаций эмоций, то наиболее сложным оказалось дать их толкование, что, по-видимому, обусловлено, во-первых, вообще не выработанным навыком «научно» определять достаточно абстрактные вещи, а во-вторых, слишком маленьким расстоянием между эмоциями одной модальности.

Практически на всех этапах работы использовались две взаимосвязанные методики: определение эмотивной составляющей псевдослов и кодифицированной, но не знакомой носителям лексики, с помощью программы «Ваал-мини» и восприятия реципиентов. Сопоставляя данные, полученные с использованием «машинного» и «человеческого» факторов, мы получили достаточно идентичные показатели. К сожалению, не существует аналогичных программ для монгольского, китайского и алтайского языков, также используемых в данном исследовании. Одна из задач исследования заключалась в определении степени влияния звукобуквенного состава лексических единиц на их фоносемантику. Например, при восприятии первообразных междометий как русские, так и монголы ориентировались на фоносемантический ореол, в основном, только в случаях «неопределенности исхода», наблюдаемого в многозначных междометиях родного языка или единицах иностранного; если же семантика была вполне определенна, именно она обусловливала выбор реципиента.

Достаточная выразительность звуковой составляющей слова проявилась также на материале восприятия носителями русского языка китайских антонимов, при наличии жесткой эмотивной противопоставленности значений. В послеэкспериментальной беседе выяснить, какие стратегии использовали реципиенты при определении значений антонимов, нам не удалось. Полагаем, что при опознавании слов незнакомого языка в сознании испытуемых происходит взаимоассимиляция плана выражения и плана содержания, основанная на сходстве фонетических оболочек слов, а также соотнесенности их длины с одним и тем же значением в русском и китайском языках.

Эксперименты, направленные на окказиональную вербализацию эмотивных составляющих невербальных сигналов разной природы, показали, что инвентарь звукобукв, используемый в псевдословах, довольно ограничен и часто связан с частотностью данных звукобукв в том или ином языке, что говорит о значительном влиянии узуса на сам процесс окказиональной вербализации в условиях эксперимента. Отмечается «эмотивная поливалентность» отдельных звукобукв (например, по данным разных экспериментов русская /а/ маркирует совершенно контрастные по знаку эмоции).

Следует отметить, что первоначальное предположение относительно более высокой степени проявления иконизма именно в эмотивных образованиях не подтвердилось, поскольку «неэмотивный» материал, представленный на предыдущих этапах исследования (имеется в виду окказиональная вербализация и восприятие нетрадиционных обозначений геометрической формы и цвета), показал приблизительно тот же уровень иконичности (Трофимова, 2009). Однако проявление одних и тех же закономерностей на разном материале знаменательно и позволяет предположить наличие общих законов номинирования и восприятия независимо от характера материала и языковой принадлежности реципиентов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и МинОКН Монголии.

Литература

1. Ваал-мини: программа для ЭВМ [Электронный ресурс]. – Программа для ЭВМ. - 2001. – Режим доступа: http://www.vaal.ru, свободный. – Яз. рус., 05.11.2011.

2. Власов М.С. Окказиональная вербализация эмотивной составляющей музыкальных фраз носителями русского языка (звукочастотный аспект) // Филология и человек, 2011. - № 1. – С. 147 - 156.

3. Гумбольдт В. Фон О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. - М., 1984. - С. 37 - 298 с.

4. Иванов Н.В. Об остаточных признаках семиогенеза в языковом знаке // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы. - М., 2008. С. 28 - 37.

5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. - СПб.: Питер,2001. - 752 с.

6. Квеселевич Д.И., Сасина В.П. Русско-английский словарь междометий. – М.: АСТ, 2001. – 512 с.

7. Матвеев В.Ф. Основы медицинской психологии, этики и деонтологии: Учеб. пособие для учащихся мед.училищ. - М.: Медицина, 1989. - 176 с.

8. Никрошкина С.В. Экспериментальное исследование универсального звукосимволизма на материале разноструктурных языков (русского, китайского, армянского и английского): диссертация канд. филол. наук: 10.02.19. - Бийск, 2010. - 210 с.

9. Трофимова Е.Б. Окказиональная вербализация звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями: монография / Е.Б. Трофимова, М.Э. Сергеева, Е.Ю. Филиппова. – М.: КРАСАНД, 2009. – 168 с.

10. Трофимова Е.Б. Узуальное и окказиональное семиотическое пространство эмоций: монография / Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова, М.Э. Сергеева, М.С. Власов, Е.Ю. Филиппова, Т. Одончимэг. – Улан-Батор – Бийск: Соёмбо принтинг, 2011. – 292 с.

11. Шаховский В.И. В начале была… эмоция [Электронный ресурс] / В.И. Шаховский // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2008. - № 2 (11). - ISSN 1999 – 8406; Гос. рег. № 0421100038. – Идентификационный номер 0420800038\0015. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/011/3_2_11.htm, свободный. – Яз. рус., 20.02.2012.

12. Шляхова С.В. Фоносемантические маргиналии в русской речи: автореф. дисс. … д-ра филол. наук. – Пермь, 2006. – 41 с.

(0,4 п.л.)